

А. Ю. Давыдов

Третий фронт Гражданской войны в России: мешочничество в прорыве большевистской осады деревни

Изучение Великой русской революции, активизировавшееся в юбилейном 2017 г., предполагает необходимость внимательнее присмотреться к порожденной ею Гражданской войне. В данной работе мы предпринимаем попытку исследовать проблемы становления нелегальной экономики в России при военном коммунизме, а также определить, как взаимодействовали ее многочисленные представители с советской властью. Скрытое от государства теневое хозяйство определяло в изучаемый период повседневную жизнь десятков миллионов людей. Неудивительно, что оно неоднократно становилось предметом исследования; отдельные аспекты мешочнического движения 1918–1921 гг. рассматривались в работах И. В. Нарского, А. А. Ильюхова, В. А. Саблина и других исследователей; к числу «мешочниковедов» следует отнести автора этих строк¹. В данной работе сделан акцент на изучении мешочнического движения как процесса гораздо более организованного и структурированного, нежели считается. Поэтому нелегальный рынок, основой которого движение являлось, представляется в статье в виде совокупности многочисленных мешочнических объединений; их устойчивость определялась высокой степенью приспособляемости к прессингу со стороны разобщенной и (по причине искусственной доктринерской мотивированности) слабой власти.

***Давыдов
Александр
Юрьевич***

доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Определимся с понятиями. Гражданская война — трехлетний период крайней степени социального раскола общества и активного взаимного противостояния разных его частей. Гражданская война в социально-экономической сфере, в повседневной жизни приобрела форму военного коммунизма — политики, ориентированной на реализацию упрощенных представлений правящей элиты о создании в России (в перспективе — и в мире) основ общества коммунистического, бестоварного, безденежного, без частной собственности и эксплуатации. Осуществление утопии (а именно «красногвардейская атака на капитал» в виде огосударствления народного хозяйства) породило мощную, всеобъемлющую теневую экономику. Последняя воплотилась в нелегальном снабжении, и главным образом в так называемом мешочничестве (иное название — «ходачество» от «ходить», отправляться в дальнюю дорогу), т. е. в перемещении большей части продуктов и предметов ширпотреба по территории страны миллионами людей с помощью подручных средств и в виде ручного багажа.

Элемент доктринерства в деятельности пришедшей к власти в октябре 1917 г. элиты был определяющим. Полагаем чрезвычайно выразительным для характеристики господствовавших в большевистской среде умонастроений высказывание В. А. Антонова-Овсеенко, относившееся ко времени ареста членов Временного правительства. «Да, это будет интересный социальный опыт», — с таким романтическим заявлением выступил Владимир Александрович, имея в виду предстоявшие социалистические преобразования (закончившиеся мучительной гибелью в том числе самого Антонова-Овсеенко)². Между тем ленинцы понимали, насколько их «социальный опыт» преждевремен для России, но идея радикального и форсированного преобразования общества стала для них допингом. Отсюда — неумное стремление большевиков удержаться у власти, необходимой им не из тщеславия, а для проведения того самого «опыта», но уже планетарного масштаба. Не случайно один из посетителей заседаний Совнаркома, специалист по лесному хозяйству С. Либерман рассказывал о своем посещении заседания ленинского правительства: «Несмотря на все усилия назойливого секретаря... невозможно было избавиться от ощущения, что присутствуешь на собрании подпольного нелегального комитета»³. Доктрина стала фактором кардинального преобразования общества в форме военного коммунизма. Она же и разрушила официальную экономику, превратив ее в теневую. Теневая экономика в условиях военного коммунизма представляла собой преобладавшую систему распределения, получившую обобщающее название — мешочничество.

Вместе с тем большевики военно-коммунистической эпохи не лгуны и не злодеи. Они истовые социальные реконструкторы. Соответственно ленинцы — прежде всего люди энтузиастического порыва, и бюрократическая рациональность не очень свойственна им. Данное обстоятельство ослабляло их государственность перед угрозой со стороны нелегального рынка. В конечном счете победы на внешних фронтах не были рождены организационным гением, а стали естественным следствием распространения большевистской власти на Великороссию с ее многочисленным населением, развитой дорожной сетью, доставшимися от царского времени стратегическим запасами. При этом, рассуждая о доктринерстве большевиков, мы не ломимся в открытую дверь, а пытаемся понять, почему мобилизовавшие

большие силы революционеры уступили простым «людям с мешками». Доктрина не усиливала их, а выступала заменителем профессионализма и компетентности.

Для начала сделаем небольшой экскурс в историю российского мешочничества в XX в. Оно периодически становилось атрибутом отечественной повседневности, поскольку возникавшие в то время кризисы разрывали нити, связывавшие производившие провизию регионы и потреблявшие ее области. Простые жители то и дело были вынуждены заниматься самоснабжением, т. е. мешочничать. Примечательно, что немцы в тяжелые времена тоже имели привычку нелегальными путями отправляться в деревни, но в образе «сумочников»; мешок и сумка — вот выразители разных национальных характеров, ментальностей. Особенностью отечественного мешочнического движения в так называемый советский период стало то, что претендовавшее на единовластие в важнейшей сфере распределения продуктов государство принялось его искоренять как явление мелкобуржуазное и как посягательство на монополию власти. Само же государство в периоды смут и хаоса справиться со сложнейшей снабженческой задачей оказывалось не в состоянии. Это объяснимо: не дело государственных мужей вести хозяйство. В результате возникал острый конфликт, который в период военного коммунизма нередко приобретал форму вооруженных столкновений.

В XX в. выявляются пять основных этапов эволюции мешочничества⁴. Небывалый подъем движения, превращение его в основное занятие большей части отечественного населения выпали на время русской смуты 1918–1921 гг. Речь идет о периоде «классического мешочничества». Оно стало массовым и обеспечило выживание народа в условиях проведения антинародной военно-коммунистической политики. Стоит присмотреться к этому явлению, ибо его исследование представляет собой изучение истории народа (а не начальников).

Выясним место феномена мешочнического движения в концепции истории Гражданской войны. Думается, масштабы нелегального снабжения и многообразие форм противодействия его участников большевистскому государству были столь значительны, что, используя метафору, можно вести речь о мешочническом фронте. Он стал третьим фронтом Гражданской войны. Первый — война советской власти с внешними врагами, второй — наступление большевиков на крестьянство с целью добиться его социального раскола и изъятия продовольствия. Третий фронт — это постоянные, разворачивавшиеся на протяжении нескольких лет столкновения агентов власти с коллективами мешочников.

Некоторые современные исследователи полагают, что масштабы большевистской войны против крестьянства на внутреннем фронте затмевали Гражданскую войну на белых фронтах⁵. Соответственно мешочнический фронт, теснейшим образом взаимосвязанный с крестьянским и даже являвшийся его продолжением, сыграл ключевую роль в исходе гражданского противостояния. Далее мы попытаемся определить место миллионов «маленьких людей» (участников теневой экономики) в разрешении напряженного социально-политического конфликта.

Представляется, что причиной превращения мешочнического движения в массовое стал голод, быстро распространявшийся после октября 1917 г. в хлебопотреблявших регионах России. Между тем достаточные запасы хлеба в стране имелись, поскольку Россия в период мировой войны прекратила хлебный экспорт.

К тому же 1918 г. оказался урожайным. Эпизодические проверки, проводимые центром, выявляли солидные излишки продуктов питания. В частности, в указанном году в Саратовской губернии собрали хороший урожай и цены на хлеб на местных рынках упали в августе в 5–6 раз⁶. И в 1919 г. ситуация на продовольственном рынке была не самой плохой. «Тульские крестьяне не испытывали в 1919 г. недостатка в хлебе, мясе, картофеле, — в каждом хозяйстве были корова, лошадь, свиньи», — рассказывал проживавший в то время среди сельчан князь К. Н. Голицын⁷. Подобных фактов немало. Направлявшийся в центр из регионов поток жалоб по поводу полного истощения хлебных запасов стоит в первую очередь отнести на счет привычки российских чиновников выпрашивать вспомоществования у верховной власти.

При всем этом поставки зерна в пролетарские центры были редки, и советская власть располагала мизерным продовольственным запасом. Полагаем, что причина заключалась прежде всего в развале после Октябрьского переворота 1917 г. налаженного хлебозаготовительного аппарата. Организация заготовки и доставки продовольствия — сложная и многоэтапная процедура, результативность которой целиком зависела от ее устроителей. Недостаточно было стимулировать крестьян к подвозу провизии. Следовало разместить ее в немногочисленных и периодически освобождавшихся на недолгое время элеваторах, наладить охрану. Требовалось обеспечить оперативность погрузки в вагоны, контроль за санитарным состоянием в местах прибытия и т. п. Однако привлечь и мотивировать опытных и инициативных устроителей этого сложнейшего процесса новая власть не сумела. Следствием стало разрушение продовольственной организации, складывавшейся в течение десятилетий пореформенного периода.

В итоге даже те продукты, которые все же заготавливались органами Наркомата продовольствия, не удавалось сохранить. Сотни тысяч пудов, доставленные крестьянами к ссыпным пунктам, зачастую сваливались на землю и подвергались порче под открытым небом. Сельские жители были возмущены таким безобразием. В бюллетене «Известия Петрокомпрода» встречаем выразительное сообщение: «Думаем ли мы о том, какое впечатление создается у трудового крестьянина, который видит ежедневно горы хлебных продуктов, часто сложенных прямо на земле?»⁸ Не случайным было выдвижение крестьянами целесообразных и экономически оправданных требований свободы торговли. Представляя, как в дальнейшем развивались события, следует признать, что при удовлетворении претензий сельских хозяев городá получили бы продовольствие.

Как повела себя новая правящая элита? Она исходила из антирыночной идеологии, а также осознанной ее деятелями необходимости укрепить свои политические позиции. Мероприятия в отношении деревни неизбежно рассматривались через призму упрочения власти на местах. Эта власть в 1918 г. находилась в подвешенном состоянии и отнюдь не из-за Л. Г. Корнилова или Комуца; подавляющее большинство сельских советов в 1918 г. стояло на позициях правых и левых эсеров⁹. Антибуржуазная политика призвана была стать инструментом радикальной перестройки деревенской жизни. Начало ее было положено уже 19 февраля 1918 г., когда принимается Закон о социализации земли. Один из пунктов его гласил: «Торговля хлебом как внешняя, так и внутренняя должна быть государственной

монополией»¹⁰. В ближайшие после этого месяцы власть приняла декреты, на основании которых Наркомат продовольствия и его армия наделялись чрезвычайными полномочиями для пресечения всяческих нарушений монополии, что стало формальным основанием для развертывания наступления на рыночное хозяйство. Новая элита провозгласила курс на принуждение сельских хозяев к безрыночной передаче государству продукции, созданной их тяжелым трудом.

Установление советской властью торговой блокады деревни оказалось главной составной частью донкихотской стратегии военного коммунизма 1918–1921 гг. В основном власть исходила из доктринерства, но на первых порах принимались во внимание и соображения узкополитического свойства. Так, планировалось под флагом борьбы с кулачеством за хлеб для трудящихся добиться большевизации сельских советов¹¹. При этом экономического смысла в правительственных акциях обнаруживается мало. Государство, усиливавшее свое вмешательство в экономику, имеет шансы добиться успеха лишь при постоянном совершенствовании своих структур. Применительно же к изучаемому периоду следует вести речь скорее о протогосударстве, провал хозяйственных экспериментов которого в любом случае представлялся неизбежностью. В 1918 г. население получало от монополии лишь пятую часть минимума необходимых для поддержания жизни продуктов, государственные заготовки тогда обеспечили российского гражданина на менее чем полутора килограммами хлеба в месяц¹². Однако в ходе борьбы за огосударствление крестьянской продукции большевики добились политических успехов и к концу 1918 г. утвердились в местных органах власти. Таков был социально-политический контекст, в рамках которого осуществился резкий подъем нелегального самоснабжения, т. е. теневой экономики.

Мешочники становились той силой, которая периодически прорывала блокаду деревни. Власть развернула против них военные действия, сравнимые с фронтовыми; предполагалось, что крестьяне, оказавшиеся лишенными возможности торговать с мешочниками, привезут хлеб на государственные склады. Чиновник одного из ведомств Наркомпрода В. Б. Станкевич писал: «Стал служить в продовольственной управе. Но оказалось, что продовольственное дело сводится к военному»¹³. Продовольственник периода военного коммунизма, как правило, носил шпоры, привязывал к ремню кобуру с револьвером и массивный патронташ, бомбы. Некоторые имели при себе еще и карабин или винтовку¹⁴. К тому же советские продовольственники привыкли действовать принуждением.

Организатором и координатором военных действий против нелегальных снабженцев выступал возглавлявшийся А. Д. Цюрупой Наркомат продовольствия. При нем возникла продармия, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек. Вместе с тем информацией даже о приблизительной численности «реквизиторов» никто не располагал, поскольку сотрудники А. Цюрупы привлекали для борьбы с «ходаками» многочисленные рабочие отряды профсоюзов, чекистские подразделения, красноармейцев и железнодорожную охрану, милицию, десятки тысяч активистов местных комитетов бедноты и ревкомов. Всеми ими создавались заградительно-реквизиционные отряды, представлявшие главную опасность для «ходаческого» движения — особенно в тех случаях, когда они формировались из интернационалистов (китайцев, венгров, латышей)¹⁵. Примечательно:

А. Б. Халатов, отвечавший в Наркомпроде за распределение съестных припасов, назвал деятельность по формированию и размещению заградотрядов «организацией второй части аппарата власти», подразумевая под первой составной частью те органы, которые занимались самой реквизицией крестьянских продуктов¹⁶. Со временем отряды стали сводиться в реквизиционно-продовольственные полки и дивизии, при которых создавались команды связистов, конных разведчиков и другие подразделения¹⁷.

Однако перед всей этой мощью мешочнический «фронт» не отступал. Определим масштабы движения вольных добытчиков хлеба. Панораму мешочнической эпопеи создали современники. Член коллегии наркомата продовольствия Н. А. Орлов указывал на занятость профессиональным мешочничеством четверти взрослого населения страны¹⁸. Известный ученый профессор Л. Н. Юровский определил размеры нелегального снабжения следующей формулой: «Мелкая нелегальная торговля продовольствием — мешочничество — получила столь широкое распространение, что в торговле никогда не участвовала такая значительная часть населения, как в те годы»¹⁹. Компетентным суждениям Орлова и Юровского стоит доверять.

Вместе с тем сошлемся на относившееся к изучаемому периоду мнение другого экономиста М. Н. Смита, согласно которому государственная монополия становится экономическим абсурдом после того, как количество нелегальных товаров превысит объем легальных²⁰. Именно с подобным явлением современники встретились в эпоху военного коммунизма. Поэтому народное хозяйство периода военного коммунизма с полным правом можно называть мешочническим. Современники описываемых событий острили: национализация торговли означает, что вся нация торгует²¹. Думается, и само общество стало мешочническим: одни мешочничали, другие им помогали.

Мешочничество выступало в роли главного связующего звена между городом и деревней. В 1918 г. государство поставляло приблизительно десятую часть потребленных крестьянами промышленных изделий в села, а остальное подвозили сельчанам нелегальные снабженцы²². Рассуждать о крупномасштабной натурализации деревенского хозяйства в годы Гражданской войны не стоит. Мешочническое движение не только сыграло решающую роль в недопущении полной натурализации крестьянского хозяйства, но и препятствовало распаду связей между отдельными регионами страны, преодолевая линии фронтов и границ²³. Гражданская война была «эшелонной», а не позиционной, и мешочники запросто переходили из одной вражеской территории в другую, объединяя их своим нелегальным предпринимательством. Из региона в регион на своих плечах, в вагонах, на баржах, в обозах и т. д. мешочники, встречавшие со всех сторон сопротивление, перебрасывали миллионы тонн продовольственных и промышленных товаров²⁴. Мощный адаптационный потенциал российских жителей был продемонстрирован в полной мере.

Попытаемся представить социальный портрет российского мешочника. Мешочники делились на две большие категории. Первая — это спекулянты, так называемые ходоки-профессионалы. Они, как правило, действовали коллективами, и каждый из них перевозил в среднем (по подсчетам профессора Н. Д. Кондратьева)

по 10 пудов товара. Вторая категория — мешочники-потребители, изредка — когда становилось совсем голодно — отправлявшиеся на свой страх и риск в путь-дорогу и, если удача им улыбалась, привозившие домой мешок весом в два-четыре пуда²⁵. Для незащищенных и слабосильных мешочников-потребителей поиски хлеба зачастую заканчивались плачевно, в дороге всякого рода реквизиторы отбирали у них провизию²⁶. В результате продукты в хлебопотребляющие регионы доставлял главным образом мешочник-профессионал, умевший адаптироваться к суровой дорожной повседневности.

Советские общественеды, начиная с нэпа, зачастую относили мешочников к представителям мелкой буржуазии или даже эксплуататорских классов, активно противостоявших труженикам «официального пролетарско-натурального хозяйства»²⁷. Типичный для советской пропаганды образ мешочника был выведен в известной кинокартине режиссера Ю. Райзмана «Коммунист» (1957 г.). Это низкорослый, рыхлого телосложения, нервный, с бегающими из-за нечистой совести глазками деревенский «миroeд», плут. Наверняка, не под силу такому ничтожному человечку оказалось бы преодоление бесчисленных преград; вряд ли смог бы он, например, прорваться с мешками на тормозах поездов с бесчисленными пересадками с Кубани в Москву.

Мемуаристы писали о преимущественном распространении солдатского мешочничества и вместе с тем отмечали преобладание среди нелегальных снабженцев «мужиков с мешками на спине»²⁸. В этом нет противоречия. Дело в том, что спекулянты почти поголовно обзаводились подходящей для изнурительной дороги «спецодеждой» — гимнастерками и серыми форменными пальто, которые они покупали у самих военнослужащих. В некоторых случаях в целях пресечения торговли казенным имуществом начальство приказывало прекратить выдачу новобранцам обмундирования и обуви. «Я хожу босой и голый, и не дают», — читаем в дошедшем до нас благодаря военной цензуре почтовом послании красноармейца²⁹.

Среди мешочников обнаруживаем активных представителей самых разных общественных кругов — рабочих и крестьян, врачей и учителей, артистов и преподавателей вузов, бывших магазинеров (владельцев магазинов и лавок) и их приказчиков. Можно говорить о существовании крупной социальной группы, представители которой объединялись нелегально-торговой профессией, сплачивались общностью интересов и образа жизни, боролись с общими врагами. При этом некоторые слои населения имели к «ходачеству» особое отношение. Если ходоки-потребители могли происходить из любых слоев, то мешочниками-профессионалами становились далеко не все. Можно сказать, спекулянты-профессионалы — это элита мешочнического сословия. Между ними чаще всего встречались крестьяне северных и центральных губерний, молодые рабочие, а также жители городских предместий — слободские мещане. Парадоксально, что «ходаческую» активность проявляли учащиеся закрытых духовных училищ, иногда и священники. Проведенная ВЧК в середине 1918 г. проверка жителей московских монастырей выявила, что до половины монахов и священников отсутствовали по причине их пребывания в мешочнических поездках³⁰.

Мешочник-профессионал эпохи военного коммунизма представлял собой тип выносливого, бесстрашного и волевого человека. Он был непременно

мужчиной, зачастую в прошлом — солдатом, умел обращаться с оружием и нередко (по крайней мере в 1918 г.) был вооружен³¹. Обязательно требовались отличное здоровье и крепкие мускулы — без этого невозможно было влезть в вагоны, а тем более путешествовать неделями на вагонных площадках, крышах при палящем солнце или двадцатиградусном морозе. Мешочники выполняли функции грузчиков и перетаскивали на себе огромное количество тяжестей. О «пассажирах, нагруженных сверх меры мешками, в солдатской форме», писал современник, экономист С. Бройде³².

Волей-неволей мешочникам приходилось участвовать в самых опасных авантюрах. Редактор «Известий Петроградского комиссариата продовольствия (Петрокомпрода)» П. Орский относил мешочников к «особому типу людей», которые «живут какую-то своей особой кочевой жизнью»³³. В частности, они прибегали к экстремальным методам противодействия ополчившейся против них власти: начиная от попыток обмануть заградительные отряды (баржи с двойным дном, полушубки и галифе с огромного размера карманами), улестить их взятками, ввести в заблуждение всякими «разрешительными» мандатами и т. д., кончая применением винтовок и гранат против реквизиционных формирований. В 1918 г. нередко происходили стычки между коллективами торговцев и «заgrадами» с использованием огнестрельного оружия. Регулярными столкновениями были на волжской пристани в г. Камышин, на станциях Зерново и Желобовка (на российско-украинской границе), здесь стояли интернациональные реквизиционные подразделения, и договориться с ними не удавалось. Эти населенные пункты представляли собой настоящие участки мешочнического фронта. После 1918 г. необычайная живучесть нелегального снабжения объясняется прежде всего распространением взяточничества. Соответствующую рангу мзду получали сотрудники «заградов», чекисты, железнодорожники, всякие чиновники. Государственный аппарат разлагался по причине его всеильности и бесконтрольности³⁴.

Политические настроения мешочников отнесем к явно антисоветским. Это вполне объяснимо: советские органы чинили им всяческие препятствия, а сами население прокормить не умели. Как известно, народ признает только тот режим, при котором едят. Неудивительно, что «ходоки» не только возмущались заградотрядами и реквизициями, но и сокрушались по поводу неудач Учредительного собрания³⁵. Однако речи быть не могло ни о какой партийно-политической консолидации мешочников, силы которых целиком отдавались борьбе за продовольствие. Думается, это обстоятельство содействовало выживанию большевистской власти, поскольку активные потенциальные ее враги оказались отвлеченными от участия в вооруженных формированиях.

В то же время консолидация сил мешочников-профессионалов в виде устройства ими крепких хозяйственных коллективов — бесспорный факт. Сошлемся на компетентное суждение комиссара продовольствия Курской губернии Воробьева. «Мешочничество принимает организованные формы, — писал он в июне 1918 г. — вооруженными отрядами вывозятся тысячи пудов хлеба, бороться своими силами не можем»³⁶. Вот как по этому поводу на заседании ВЦИК рассуждал Н. П. Брюханов (ближайший соратник А. Д. Цюрупы) в апреле 1918 г.: «Мешочничество стало получать организованные несколько формы, стало превращаться в явление

группового мешочничества... которое наблюдается в виде стремления отдельных мелких групп населения»³⁷. Николай Павлович вовремя обнаружил устойчивую тенденцию превращения мешочничества в существенную форму самоорганизации российских граждан, объединения которых начинали подчинять себе рынок (теневой, но другого не было).

Очень многие большевики находились под влиянием конспирологических теорий о происках мирового капитала, к числу которых относили и создание организационного центра мешочничества. Сам Ф. Дзержинский называл «ходоков» контрреволюционными агентами³⁸. Один из докладчиков на совещании Московского городского продовольственного комитета перепугал присутствовавших заявлением о том, что «мешочники представляют собой довольно солидную организацию, хорошо субсидированную, имеющую своих главарей». Этот центр, по словам конспиролога, уже в 1918 г. координировал деятельность и хорошо вооружал мешочников, даже одевал их в солдатскую форму³⁹.

На деле предпосылкой самоорганизации мешочников в товарищества выступало осознание ими потребности спланировать для противостояния общим врагам, приспособившись к возникавшим на пути к хлебу трудностям. Ватагам и артелям под силу было преодолеть невероятные тяготы мешочнического пути. «Ходоков» объединял и кочевой жизненный уклад. Писатель М. А. Осоргин правильно рассматривал типичный коллектив мешочников как группу людей, «спаянную бессонными ночами, грязью, потом, бранью и остротами над собственной участью»⁴⁰.

На протяжении всего периода русской смуты мешочники оставались организованными. Их коллективы постепенно упрочивались. На это указывают данные научных изысканий, относившиеся к началу 1920-х гг. В то время сотрудники Института экономических исследований Наркомата финансов, подводя итоги изучения вольного рынка, пришли к выводу о том, что в период военного коммунизма мешочничество из «неорганизованного, стихийного, кустарного» приобрело вид «недурно организованного». По их авторитетному утверждению, нелегальное снабжение последовательно «захватывает одну позицию за другой» и страна покрывается «густой мешочнической сетью»⁴¹.

Обратим внимание на пути создания и формы организации мешочнических товариществ, деятельность которых в основном определила ситуацию на рынке. Нелегальный, теневой рынок военного коммунизма — это рынок, субъектами которого стали компании мешочников; каждая из них добивалась прибыли для себя, но в конечном счете удовлетворялась (разумеется, далеко не полностью с учетом обстановки) общественная потребность. На первых порах мешочники составляли свои компании на сельских сходах, а также на общих собраниях заводских рабочих или членов потребительских кооперативов. Им выписывали соответствующие так называемые разрешительные документы (по сути, это были филькины грамоты, но часто «заграды» с ними считались), собирали для них деньги и товары⁴². Подобным образом возникали народные кооперативы, а «ходоки» выступали их уполномоченными представителями. Однако постепенно по мере нарастания дорожных трудностей знаковой фигурой нелегального рынка становился частный торговец, нередко искавший возможности объединиться с себе подобными индивидуалами;

кооперативный стимул в большинстве случаев оказывался недостаточен в той экстраординарной рыночной ситуации.

В городах компании «ходоков» создавались на собраниях домовых и квартальных комитетов, главной функцией которых стало осуществление закупок провизии для жителей. Объединения жильцов справедливо назывались в то время представителями власти «организованным мешочничеством». Показательно, что все без исключения задержанные милицией на московских вокзалах в октябре 1918 г. мешочники (жители столицы) имели на руках удостоверения, выданные домовыми комитетами⁴³. Тогда же на собрании Центрального совета домовых организаций Москвы констатировалось: «Домовые комитеты тесно связаны с населением, которое весьма охотно вкладывает в них оборотные средства»⁴⁴. Эти «средства», т. е. деньги («петры» с изображением первого императора, еще «керенки») и ходовые товары «конвертировались» в валюту рассматриваемого периода — в продовольствие. Группы делегатов от квартирантов привозили из своих экспедиций дефицитную еду для всех членов объединений. Со временем многие домовые кооперативы превращались в нелегальные частные предприятия; коллективы частных торговцев мешочничали, соблюдая кооперативную форму (уставы, правления и ревизионные комиссии, протоколы общих собраний), дабы своей «буржуазностью» не раздражать революционную власть⁴⁵.

Чаще всего мешочникам доводилось договариваться о сотрудничестве на крупных рынках. Объективно именно они выступали в период военного коммунизма центрами координации мешочнического движения, профессионального общения его участников. Нужно сказать о мешочнических биржах. В этом смысле особо значимую роль играл главный рынок страны — Сухаревский, расположившийся в столице недалеко от Кремля, на Сухаревской площади. Он выполнял функции своего рода штаба противостоявших военному коммунизму сил⁴⁶, был бельмом на глазу у большевистских властей, и не закрывали его до конца 1920 г. потому, что здесь отоваривались советские чиновники, включая чекистов. «Сухаревка завоевывает Красную площадь во имя превращения всей Москвы в Нью-Йорк или Чикаго», — восклицал экономист В. В. Шер⁴⁷. Возможно, этот ученый преувеличивал, тем не менее аккумуляцию отдельными мешочниками крупных денежных сумм некоторые информированные современники справедливо называли «первоначальным накоплением»⁴⁸.

На Сухаревке и других рыночных площадях составлялись группы мешочников-профессионалов, определялись маршруты хлебных экспедиций, собиралась информация о ценовой конъюнктуре. Нелегальные снабженцы заключали сделки о реализации продукции с лотковыми торговцами, владельцами харчевен. Продукты в столицу везли мешочники, проживавшие в других регионах, а продавали москвичи. Этим объясняется то обстоятельство, что среди прибывавших в столицу «ходоков» был очень велик процент иногородних⁴⁹.

Между тем мешочники использовали любую возможность для легализации своего предпринимательства, адаптировали выдвигаемые большевистским государством организационные формы. Неосознанно они следовали совету П. А. Вяземского применять «дурное исполнение» в отношении «дурных правительственных мер». В частности, каждому железнодорожному отделу разрешалось один раз

в месяц отправить поезд для закупки ненормированных продуктов, и эшелон на самом деле отправлялся, но на нем привозили незаконно закупленный у крестьян хлеб; можно вести речь о разновидности массового мешочничества, поскольку в России насчитывалось более миллиона работников ведомства путей сообщения⁵⁰. Кроме того, мешочники научились обращать в свою пользу августовский 1918 г. декрет СНК о формировании «рабочих заготовительных отрядов». Объединившись в коллективы по несколько сотен человек и получив мандаты, такие «заготовители» на законных основаниях выезжали в хлебные районы, закупали провизию и доставляли ее в свои города. Заместитель наркома Н. П. Брюханов возмущался в письме, отправленном В. И. Ленину: «Это подлинная организация мешочничества»⁵¹.

Мешочникам, постоянно курсировавшим между городом и деревней, в конце концов удавалось наладить постоянные связи с сельскими районами. Зачастую крестьяне на подводах (заранее договорившись с «ходоками») подвозили провизию к станциям и пристаням. Земледельцам было на порядок проще продать хлеб артели знакомых мешочников, чем связываться с рисками розничной торговли⁵². В случаях, когда местные продовольственные комитеты хлебопроизводивших губерний противодействовали нелегальным закупкам, мешочники создавали комитеты представителей потребляющих губерний и вступали в переговоры с властями. Организованным мешочникам нередко удавалось заставить последние пойти на уступки и добиться от них разрешения на временную закупку хлеба или зерна.

Наркомат продовольствия рассылал на места категорические приказы об «усилении беспощадной борьбы с мешочничеством». Тем не менее дороги в хлебородных уездах по-прежнему были забиты мешочническими телегами, двуколками, бричками; вагоны забивались мешками⁵³. Следует констатировать, что на протяжении всей Гражданской войны сельским производителям удавалось утаить от советской власти огромное количество хлеба. По расчетам экономистов периода нэпа, крестьяне утаили от учетчиков от 15 до 20 % посевных площадей⁵⁴. Засекречивание урожая оказалось весьма активной и действенной формой саботажа военно-коммунистической политики. Сокрытый хлеб перемещался в мешках в нуждавшиеся в нем районы.

Расскажем об этапах дорожной эпопеи «ходоков». Начиналась кочевая дорога с добывания разрешавших перемещение по стране документов. В целях пресечения нелегального снабжения требования к оформлению последних все время ужесточались. С 1919 г. предписывалось на особых нумерованных бланках указывать сведения о пассажире, его маршруте, оформлявшем бумагу должностным лице; требовалось также обосновать государственную необходимость поездки. Казалось бы, при таких строгостях ни о каких путешествиях со спекулятивной целью и речи быть не могло. Тем не менее количество мешочников не уменьшалось, и все они располагали соответствующими мандатами. Это удивляло современников. В корреспонденции, помещенной 28 сентября 1919 г. на странице петроградской «Красной газеты», ее автор искренне изумлялся: «Когда стоишь где-нибудь на вокзале, в очереди у кассы командировочных, то поражаешься невозможно огромному числу командированных. Ведь это не командировки, а подлинное переселение народов»⁵⁵. В таких случаях зачастую решающую роль играла взятка. Кроме того,

в стране в то время возник настоящий рынок фальшивых документов. Писатель В. Б. Шкловский рассказывал, что «целые поезда ездили по липам». Сам Виктор Борисович отправлялся за провизией по командировке «на восстановление связей с Украиной», хотя никого, кроме себя самого, не представлял⁵⁶.

Мешочникам предстояло преодолевать колоссальные трудности при передвижениях по стране. Посадки на поезда и в пароходы каждый раз напоминали рукопашные бои. Упорядоченное пассажирское движение почти полностью прекратилось. При этом по железным дорогам ходили теплушки, т. е. слегка модифицированные товарные вагоны. Пол теплушки находился на уровне человеческого роста, и при посадке приходилось подтягиваться на руках, отбиваясь от других участников штурма вагона. Без напарников попасть туда не представлялось возможным. Опять мы вышли на проблему мешочнических союзов.

Ватаги мешочников, состоявшие из нескольких десятков человек, выдвигали вожаков. В результате достигалась исключительная слаженность действий при погрузке в вагоны. Журнал Пензенского губернского продкома «Народное продовольствие» писал в начале 1919 г. об этом: «Как только остановится пришедший на станцию поезд, как рой пчел облепят его мешочники; впрыгивают в вагоны по два — по три человека, а остальные бросают мешки с хлебом. Работают ужасно спешно. В две-три минуты, которые стоит поезд, наполняются вагоны»⁵⁷. Известны случаи, когда крупные компании мешочников выкупали все билеты и без всякого насилия занимали целые эшелоны. Газеты сообщали о продвижении мешочнических поездов, в городах их ожидали с нетерпением.

Вместе с тем «ходоки» добивались успехов в противодействии Наркомпроду и другим «антимешочническим» ведомствам, а также многочисленным дорожным бандитам, стремившимся разжиться чужим товаром. Случалось, мешочники целых эшелонов договаривались о совместных действиях при возникновении опасности. Летом 1918 г. тамбовский уполномоченный Наркомпрода докладывал А. Д. Цюрупе о том, что при попытке остановить один из эшелонов «ходоков» в Тамбове «все заградительные и реквизиционные отряды были разбиты»⁵⁸. В ряде случаев мешочники прибегали к специфическому методу самозащиты — привлекали отряды наемных охранников. Так, А. Д. Цюрупа упоминал о «наемных вооруженных бандах, которые сопровождают эшелоны мешочников»⁵⁹. Речь идет об обращениях профессиональных «ходоков» к услугам дезертиров. Последние создавали команды, для того чтобы, охраняя нелегальных снабженцев, иметь твердый и постоянный заработок. В том числе с их помощью мешочникам удавалось сберечь свои товары; для государства эта задача оказалась нерешаемой, и его грузы разворовывались.

Официальные источники сваливали на мешочников вину за разграбление станций. На самом деле в большинстве случаев спекулянты-профессионалы менее всего представляли угрозу для имущества станций и пристаней. Их деятельность подчинялась одной задаче — закупить и, не привлекая внимания, доставить по назначению продовольствие. Другое дело — многотысячные толпы «маленьких мешочников» (выражение И. В. Сталина, отвечавшего за продовольственную работу в Царицыне), которые разбрелись вокруг станционных построек, жгли общественные дрова, самовольно занимали служебные помещения⁶⁰. Опасность для транспорта коренилась не в организации мешочничества, а в ее отсутствии.

Серьезным испытанием становились дорожные пересадки. Поезда в рассматриваемый период ходили по направлениям (на восток, на юг и т. д.), и направление в любой момент могло измениться. В итоге перетаскивались сотни пудов грузов на платформы, начиналось изнурительное ожидание нового эшелона в совершенно переполненных (часто промерзших) вокзалах. Ночью пассажиры засыпали и их дочиста обворовывали. В целях борьбы с воровством особые железнодорожные служители расхаживали по вокзалу и не позволяли спать пассажирам, из-за такой «заботы» к утру мешочники напоминали сомнамбул. Отметим, что вокзальная сторона жизни российских «ходоков» — особая страница истории повседневности военно-коммунистической поры. Наконец, через несколько дней прибывал поезд и дорожное испытание продолжалось. В конечном счете мешочники добирались до городов или голодных сельских районов. Здесь продавался по высокой, грабительской цене их хлеб. «Ходоки» наживались и спекулировали, но трудно представить, что бесценный, выстраданный продукт они отдали бы на благотворительные цели. В итоге удавалось создать капитал, который мешочники при нэпе направили на организацию бизнеса. Как представляется, мешочники — это будущие нэпманы, сумевшие поэтапно в течение первых лет новой экономической политики легализовать капиталы и официально зарегистрировать свои предприятия⁶¹.

Таким образом, нелегальные снабженцы упорно и отчаянно в течение трех лет противостояли утопической политике. Им удалось не только прорвать торговую блокаду деревни, установленную большевистскими правителями, но и на протяжении нескольких лет не позволять власти сомкнуть кольцо окружения. Поэтому допустимо говорить о третьем, мешочническом фронте, от успешности действий которого целиком зависел исход борьбы на крестьянском театре военных действий. Фактически союзники — мешочники и крестьяне — победили большевистские армии. Ленинцы сдали принципиальнейшие для них военно-коммунистические позиции, что в изучаемый период означало капитуляцию перед «мелкой буржуазией» — в том числе мешочниками. Не случайно многим деятелям нэповский маневр представлялся отказом от социализма, термидором.

Сделаем еще один вывод. Российскому народу в тот период в полной мере был присущ набор качеств, которые позволяли адаптировать мощные негативные воздействия со стороны режима, претендовавшего на диктатуру. Соотечественники выдержали экстремальные испытания на физическую выносливость, их отличали такие выраженные личностные качества, как предприимчивость и инициативность. Наконец, российское общество характеризовал высокий уровень доверия граждан друг к другу, что выразилось в деятельности неофициальных коллективов нелегальных снабженцев. Все это и составляло основу адаптационного потенциала — комплекса приспособительных способностей, который не может быть определен путем формального перечисления отдельных признаков социального развития. При военном коммунизме (думается, и при нэпе) давал себя знать кумулятивный эффект от сложения целого ряда общественных процессов.

- ¹ См. об историографии проблемы: *Давыдов А. Ю.* Российское мешочничество в Гражданской войне (определение понятия и историография вопроса) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология, экономика, информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 126–132.
- ² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: воспоминания активных участников революции / ред. С. П. Князев. Л., 1956. С. 423.
- ³ Приводится по: *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М., 2004. С. 107.
- ⁴ См. об этом: *Давыдов А. Ю.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921. СПб., 2007. С. 347–352.
- ⁵ См., напр.: Критический словарь русской революции. 1914–1921 / сост. Э. Актон и др. СПб., 2014. С. 105.
- ⁶ *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 386; Сведения с мест // Бюллетень Московского городского продовольственного комитета. 1918. № 162. 10 авг. С. 2.
- ⁷ Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 126.
- ⁸ Необходимая мера // Известия Петрокомпрода. 1919. № 31. 12 апр. С. 2.
- ⁹ См. об этом: *Осипова Т. В.* Волостные советы: состав и продовольственная деятельность (март — июнь 1918 г.) // Политические и экономические проблемы Великого Октября и Гражданской войны: сб. науч. тр. М., 1988. С. 142–143.
- ¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 1 / сост. Н. С. Валк и др. М., 1957. С. 409.
- ¹¹ О решающей роли продовольственной диктатуры в большевизации советов в 1918 г. см.: *Давыдов А. Ю.* Доминанта политики комбедов в 1918 г.: власть или хлеб // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2016. С. 303–317.
- ¹² Новые тенденции // Продпуть. 1919. № 4. 16 июня. Стб. 13; *Сахаров В.* Голод и хлебная монополия // Вестник продовольственных служащих. 1918. № 4–5. 8 июля. С. 15.
- ¹³ *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919. Л., 1926. С. 156.
- ¹⁴ *Карпович Д. Б.* Неотложные меры // Продовольственно-кооперативный и сельскохозяйственный вестник. 1921. № 10. 15 дек. С. 8.
- ¹⁵ *Кибардин М. А., Медведев Е. И., Шишкин А. А.* Октябрь в деревне. Казань, 1967. С. 90; Советы в эпоху военного коммунизма. Ч. 1 / ред. В. П. Антонов-Саратовский. М., 1928. С. 50; Из истории гражданской войны в СССР: сб. документов и материалов. Т. 1 / ред. Г. А. Белов и др. М., 1960. С. 299; Инструкция продовольственным отрядам // Известия Воронежского губернского продовольственного комитета. 1918. № 23. 3 окт. С. 6–7.
- ¹⁶ *Халатов А. Б.* Система заготовок и распределения в период военного коммунизма // Внутренняя торговля Союза ССР за 10 лет. М., 1928. С. 29.
- ¹⁷ *Макаренков М. Е.* Московские рабочие в борьбе с продовольственными трудностями в 1918 г. // 40 лет Великого Октября. Вып. 2. М., 1957. С. 21; *Подколзин А. М.* К вопросу о продовольственном положении Советской республики в 1918 г. // Вопросы политической экономии. М., 1958. С. 304; Деятельность реквизиционно-продовольственных отрядов // Известия Воронежского губернского продовольственного комитета. 1918. № 33. 7 нояб. С. 4; *Потапенко В.* Записки продотрядника. 1918–1920. Воронеж, 1973. С. 137; *Попов (б/и).* Воспоминания о Курском советском полку (1917–1918) // Пролетарская революция. 1925. № 7. С. 158; Организация реквизиционных отрядов при районных Советах рабочих депутатов // Продовольственное дело (Изд. Московского городского продовольственного комитета). 1918. № 24. 21 июля. С. 20–22.
- ¹⁸ *Орлов Н. А.* Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. С. 384.
- ¹⁹ *Юровский Л. Н.* Денежная политика Советской власти (1917–1927). М.; Л., 1928. С. 63.
- ²⁰ *Смит М. Н.* Экономические предпосылки фиксации цен // Экономика и политика твердых цен: сб. статей. М., 1918. С. 47.
- ²¹ *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм: власть и массы. М., 1997. С. 235.
- ²² Там же.
- ²³ См. об этом: *Струмилин С. Г.* Питание петроградских рабочих // Новый путь. 1919. № 4–5. Февраль — март. С. 14; *Дубровский С. М.* Очерки русской революции. Вып. 1. М., 1923. С. 307.

- ²⁴ См. об этом: *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 198.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См. об этом: Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / сост. С. В. Журавлев и др. М., 1998. С. 53.
- ²⁷ *Крицман Л. Н.* Героический период Великой русской революции. М., 1924. С. 131, 132.
- ²⁸ *Окнинский А. Л.* Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 до декабря 1920 г. М., 1998. С. 13.
- ²⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 16. Кор. 265. Д. 3864. Л. 6.
- ³⁰ См. об этом: *Шерман С.* Внутренний рынок и торговый быт Советской России // Экономический вестник. Кн. 2. Берлин, 1923. С. 109; *Фейгельсон М.* Мешочничество и борьба с ним в пролетарском государстве // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 76.
- ³¹ *Шерман С.* Внутренний рынок и торговый быт... С. 109.
- ³² *Бройде С.* В пути с мешочниками // Продовольственное дело. 1918. № 9. 7 апр. С. 12.
- ³³ *Орский П.* К борьбе с мешочничеством // Известия Петрокомпрода. 1919. № 6. 8 февр. С. 2.
- ³⁴ См. об этом: *Кирпичников А. И.* Взятки и коррупция в России. СПб., 1997. С. 50–51.
- ³⁵ См. об этом: *Бройде С.* С делегацией на Украину // Продовольственное дело. 1918. № 23. 14 июля. С. 8; *Валин Д.* Передвижная контрреволюция // Красный путь железнодорожника. 1919. № 16. 8 мая. С. 2.
- ³⁶ Цит. по: *Филиппов И. Т.* Продовольственная политика в России в 1917–1923 гг. М., 1994. С. 90.
- ³⁷ Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва: стенографический отчет. М., 1920. С. 79.
- ³⁸ Приводится по: *Соколов С. А.* Революция и хлеб. Из истории советской продовольственной политики в 1917–1918 гг. Саратов, 1967. С. 72.
- ³⁹ Продовольственная инспекция. Доклад Л. И. Шварца // Продовольственное дело. 1918. № 1. 28 янв. С. 19.
- ⁴⁰ *Осоргин М. А.* Времена. Екатеринбург, 1992. С. 578.
- ⁴¹ *Первушин С. А.* Вольные цены и покупательная сила русского рубля в годы революции (1917–1920) // Денежное обращение и кредит. Т. 1. Пг., 1922. С. 58.
- ⁴² См. об этом: Подмосковное население и продовольствие // Продовольственное дело. 1918. № 8. 31 марта. С. 18; Голод и мешочники // Беднота. 1918. № 5. 31 марта. С. 4.
- ⁴³ См. об этом: *Сольц А. А.* Домовые комитеты бедноты // Продовольственное дело. 1918. № 33–34. 22 сент. С. 1; *Усачев П.* Голод и хлебная монополия // Вестник Всероссийского союза служащих продовольственных организаций. 1918. № 8–9. 15 окт. С. 7.
- ⁴⁴ «Центродом». Домовые кооперативы // Бюллетень Московского городского продовольственного комитета. 1918. № 221. 22 окт. С. 4.
- ⁴⁵ См. об этом: *Фарбитейн И.* Домовые кооперативы // Вестник кооперации. 1918. № 3–4. С. 125; *Гитлицус З.* Дневники. Т. 2. М., 1999. С. 189; О противоречиях // Продовольствие Севера. 1918. № 5. 14 сент. С. 1.
- ⁴⁶ См. об этом: *Бадаев А. Е.* Десять лет борьбы и строительства. Л., 1927. С. 88.
- ⁴⁷ *Шер В. В.* Социалистический Компрод и индивидуалист-мешочник // Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. 1919. № 3–4. 8 мая. С. 11.
- ⁴⁸ См., напр.: *Колокольников П.* Экономический обзор // Союз потребителей. Издание Всероссийского центрального союза потребительских обществ. 1919. № 1–2. 20 янв. Стб. 38.
- ⁴⁹ См. об этом: *Усачев П.* Голод и хлебная монополия // Вестник Всероссийского союза служащих продовольственных организаций. 1918. № 8–9. 15 окт. С. 7.
- ⁵⁰ См. об этом: *Твердюкова Е. Д.* Провизионные билеты железнодорожников: проблемы легального мешочничества в годы гражданской войны в России // Новейшая история России. 2014. № 1 (09). С. 70.
- ⁵¹ Ответ Н. П. Брюханова В. И. Ленину о усилении работы уборочных отрядов. Ленинский сборник / сост. В. В. Адоратский и др. М.; Л., 1931. Т. 18. С. 172. — См. также: *Костеловская М.*

Нужны ли рабочие продовольственные отряды? Итоги и перспективы // Известия ВЦИК. 1918. № 275. 15 дек. С. 1.

⁵² См. об этом: Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг.: сб. документов / сост. В. И. Фефелов. Орел, 1957. С. 146; Пути мешочников // Бюллетень Московского городского продовольственного комитета. 1919. № 22. 31 янв. С. 3.

⁵³ См. об этом: Продовольствие и транспорт // Народное продовольствие. Бюллетень Пензенского губернского продовольственного комитета. 1919. № 7–8. Февраль. С. 4; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 131. Л. 24.

⁵⁴ См. об этом: *Пашин В. П., Богданов С. В., Емельянов С. Г.* Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (власть, общество, нелегальный рынок). Курск, 2008. С. 135.

⁵⁵ *Чадаев В.* Должностные преступления // Красная газета. 1919 г. № 219. 28 сент. С. 4.

⁵⁶ *Шкловский В.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 203.

⁵⁷ Мешочники. От Саранского корреспондента // Народное продовольствие. Бюллетень Пензенского губернского продовольственного комитета. 1919. № 5–6. Февраль. С. 9.

⁵⁸ *Филлипов И. Т.* Продовольственная политика в России в 1917–1923 гг. С. 92.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. об этом: *Фейгельсон М.* Борьба за хлеб в Царицыне // Проблемы экономики. 1940. № 1. С. 156; На старую тему. О мешочниках // Продовольственное дело. 1918. № 15. 19 мая. С. 19–20.

⁶¹ См. подробнее: Положение кооперации в условиях новой экономической политики // Продовольственно-кооперативный и сельскохозяйственный вестник. 1921. № 8–9. 30 нояб. С. 4–5; *Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. М., 1971. С. 59–60; *Жирмунский М. М.*: 1) Частный капитал в товарообороте. М., 1924. С. 7; 2) Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 50; *Кузовков Д.* Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 202.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Давыдов А. Ю. Третий фронт Гражданской войны в России: мешочничество в прорыве большевистской осады деревни // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 337–354. УДК 94(47).084.3

Аннотация: В статье уделяется внимание изучению нелегального рынка и его субъектов в период Гражданской войны в России. Автор доказывает, что проводимая тогда большевиками доктринерская политика породила массовое и ставшее главной формой снабжения населения «классическое мешочничество». Обосновываются два основных тезиса. Первый: общенародное движение нелегальных снабженцев представляло собой третий фронт Гражданской войны — мешочнический (наряду с внешним и крестьянским театрами военных действий). В статье выполнен обзор аргументов, посредством которых автор обосновывает положение о ключевой роли «людей с мешками» в прорыве торговой блокады деревни, которую установили и на протяжении трех «фронтовых» лет пытались восстанавливать советские военно-продовольственные формирования. Второй выдвигаемый автором тезис: мешочническое движение представляло собой совокупность многочисленных коллективов (объединений, товариществ, артелей) вольных добытчиков хлеба. В работе приводятся указания на множественные проявления организованности и структурированности нелегального рынка изучаемого времени. Названные тезисы содержат объяснение причин краха политики военного коммунизма, а также толкование предпосылок победы «союзных» фронтов — мешочнического и крестьянского.

Ключевые слова: Гражданская война, военный коммунизм, мешочничество, торговля, продовольствие, нелегальное снабжение, монополия, реквизиции, рынки.

Сведения об авторе: *Давыдов А. Ю.* — доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); davydov.au@mail.ru

FOR CITATION

Davydov A. Yu. 'The Third Front in the Russian Civil War: Bag People Breaking Blockade of the Village by the Bolsheviks', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018, pp. 337–354.

Abstract: *The* article focuses on the study of the illegal market and its subjects during the Russian Civil War. The author demonstrates that a doctrinaire policy was carried out by the Bolsheviks at the time has given rise to the period of Russian bag people having become the main source of provision for the population. In this research work there are two points being justified. The first one says that the nationwide movement of illegal suppliers representing the third Front of the Civil War was bag people; the first Front was external, the second one was represented by the peasant theatre of military actions. Through this review of arguments in the article the author explains the key role of "the bag people" in breaking the trade blockage that was established and reconciliated by the efforts of Soviet military-food formations during three "front" years. The second point posed by the author states that bag people movement included the set of numerous groups (associations, partnerships, artels) of free bread providers. This research is based on multiple examples of the illegal market's organization and structure at the time. The above-mentioned points explain the reasons of the military communism policy's collapse as well as the interpretation of the "federal" fronts' victory premises those of bag people and peasants.

Keywords: Civil War, Military communism, Bag People, Trade, Provision, Illegal Supplies, Monopoly, Requisitions, Markets.

Author: *Davydov A. Yu.* — Doctor of History, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia); davydov.au@mail.ru

References:

- Badaev A. E. *Desyat let borby i stroitelstva* (Leningrad, 1927).
Borba trudyashchikhsya Orlovskoi gubernii za ustanovlenie Sovetskoi vlasti v 1917–1918 gg.: sb. dokumentov, Ed. V. I. Fefelov (Orel, 1957)
 Davydov A. Yu. 'Dominanta politiki kombedov v 1918 g.: vlast' ili khleb', *Politicheskaya istoriya Rossii XX veka: k 85-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva* (St. Petersburg, 2016).
 Davydov A. Yu. *Meshochniki i diktatura v Rossii. 1917–1921* (St. Petersburg, 2007).
 Davydov A. Yu. 'Rossiyskoe meshochnichestvo v grazhdanskoi voine (opredelenie ponyatiya i istoriografiya voprosa)', *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, politologiya, ekonomika, informatika*, no. 15 (158), 2013.
 Dekrety Sovetskoi vlasti. Vol. 1, Ed. S. N. Valk (Moscow, 1957).
 Dmitrenko V. P. *Torgovaya politika Sovetskogo gosudarstva posle perekhoda k nepu* (Moscow, 1971).
 Dubrovskiy S. M. *Ocherki russkoi revolyutsii*, Iss. 1 (Moscow, 1997)
 Feigelson M. 'Borba za khleb v Tsaritsyne', *Problemy ekonomiki*, no. 1, 1940.
 Feigelson M. 'Meshochnichestvo i borba s nim v proletarskom gosudarstve', *Istoriik-marksist*, no. 9, 1940.
 Filippov I. T. *Prodovolstvennaya politika v Rossii v 1917–1923 gg.* (Moscow, 1994).
 Gippius Z. *Dnevnik*, Vol. 2. (Moscow, 1999).
Golos naroda. Pisma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918–1932 gg., Ed. S. V. Zhuravlev (Moscow, 1998).
Iz istorii grazhdanskoi voiny v USSR: sb. dokumentov i materialov, Vol. 1, Ed. G. A. Belov (Moscow, 1960).
 Khalatov A. B. 'Sistema zagotovok i raspredeleniya v period voennogo kommunizma', *Vnutrennyaya trgovlya Soyuzu SSR za 10 let* (Moscow, 1928).
 Kibardin M. A., Medvedev E. I., Shishkin A. A. *Oktyabr v derevne* (Kazan, 1967).
 Kirpichnikov A. I. *Vzvatki i korruptsiya v Rossii* (St. Petersburg, 1997).
 Kondratyev N. D. *Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voiny i revolyutsii* (Moscow, 1922).
Kriticheskii slovar russkoi revolyutsii. 1914–1921, Ed. Edward Acton (St. Petersburg, 2007).
 Kritsman L. N. *Geroicheskiy period Velikoi russkoi revolyutsii* (Moscow, 1924).
 Kuzovkov D. *Osnovnye momenty raspada i vosstanovleniya denezhnoi sistemy* (Moscow, 1925).
 Litvin A. L. *Krasnyy i belyy terror v Rossii 1918–1922 gg.* (Moscow, 2004).
 Makarenkov M. E. 'Moskovskie rabochie v bor'be s prodovol'stvennymi trudnostyami v 1918 g.', *40 let Velikogo Oktyabrya*, Iss. 2 (Moscow, 1957).

- Okninskiy A. L. *Dva goda sredi krest'yan. Vidennoe, slyshannoe, perezhitoe v Tambovskoi gubernii s noyabrya 1918 do dekabrya 1920 g.* (Moscow, 1998).
- Oktyabrskoe vooruzhennoe vosstanie v Petrograde: vospominaniya aktivnykh uchastnikov revolyutsii, Ed. S. P. Knyazev (Leningrad, 1956).
- Orlov N. A. *Prodovolstvennaya rabota Sovetskoj vlasti* (Moscow, 1918).
- Osipova T. V. 'Volostnye sovety: sostav i prodovolstvennaya deyatel'nost (mart–iyun' 1918 g.)', *Politicheskie i ekonomicheskie problemy Velikogo Oktyabrya i grazhdanskoi voiny: sb. nauch. tr.* (Moscow, 1988).
- Osorgin M. A. *Vremena* (Yekaterinburg, 1992).
- 'Otvety N. P. Bryukhanova V. I. Leninu o usilenii raboty uborochnykh otrjadov', *Leninskiy sbornik*, Vol. 18, Ed. V. V. Adoratskiy (Moscow — Leningrad, 1931).
- Pashin V. P., Bogdanov S. V., Emel'yanov S. G. *Gosudarstvennaya alkohol'naya politika v Rossii: ot Vitte do Stalina (vlast', obshchestvo, nelegal'nyj rynek)* (Kursk, 2008).
- Pavlyuchenkov S. A. *Voennyj kommunizm: vlast' i massy* (Moscow, 1997).
- Pervushin S. A. 'Volnye tseny i pokupatel'naya sila russkogo rublya v gody revolyutsii (1917–1920)', *Denezhnoe obrashchenie i kredit*, Vol. 1 (Petrograd, 1922).
- Podkolzin A. M. 'K voprosu o prodovol'stvennom polozhenii Sovetskoj respubliky v 1918 g.', *Voprosy politicheskoi ekonomii* (Moscow, 1958).
- Popov (b/i). 'Vospominaniya o Kurskom sovetskom polku (1917–1918)', *Proletarskaya revolyutsiya*, no. 7, 1925.
- Potapenko V. *Zapiski prodotryadnika. 1918–1920* (Voronezh, 1973).
- Protokoly zasedaniy Vserossiyskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta 4-go sozyva: stenograficheskiy otchet* (Moscow, 1920).
- Sherman S. 'Vnutrenniy rynek i torgovyy byt Sovetskoj Rossii', *Ekonomicheskiy vestnik*, Vol. 2 (Berlin, 1923).
- Shklovskiy V. *Sentimentalnoe puteshestvie* (Moscow, 1990).
- Smith M. N. 'Ekonomicheskie predposylki fiksatsii tsen' in *Ekonomika i politika tverdykh tsen: sb. statei* (Moscow, 1918).
- Sokolov S. A. *Revolutsiya i khleb. Iz istorii sovetskoj prodovol'stvennoi politiki v 1917–1918 gg.* (Saratov, 1967).
- Sovety v epokhu voennogo kommunizma*, Part 1, Ed. V. P. Antonov-Saratovskiy (Moscow, 1928).
- Stankevich V. B. *Vospominaniya. 1914–1919* (Leningrad, 1926).
- Strumilin S. G. 'Pitanie petrogradskikh rabochikh', *Novyy put*, no. 4–5, 1919.
- Tverdyukova E. D. 'Provizionnye bilety zheleznodorozhnikov: problemy legal'nogo meshochnichestva v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii', *Modern History of Russia*, no. 1, 2014.
- Volobuev P. V. *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitelstva* (Moscow, 1962).
- Yurovskiy L. N. *Denezhnaya politika Sovetskoj vlasti (1917–1927)* (Moscow — Leningrad, 1928).
- Zapiski knyazya Kirilla Nikolaevicha Golitsyna* (Moscow, 1997).
- Zhirmunskiy M. M. *Chastnyj kapital v tovaroborote* (Moscow, 1924).
- Zhirmunskiy M. M. *Chastnyj torgovyy kapital v narodnom khozyaistve USSR* (Moscow, 1927).